

Акоп Паронян — редактор и журналист

видя, что его честь поругана, не потащит меня в суд», — говорит Паронян.

Акоп Паронян начал свою литературную деятельность как журналист и редактор в 60-х годах минувшего века в Константинополе, в административном центре Турции — в этом логове азиатского ростовщического капитала, уже перестраивавшегося на «европейский» лад.

Тяжела была судьба народов, особенно армян, живших под турецким владычеством как до преисловутой конституции, так и после «реформ». Западные армяне изнемогали под игом турецких и курдских бегов, и в этом отношении особенно невыносимо было положение трудовых масс эснафов, литературным идеологом которых и был Акоп Паронян.

Он был свидетелем бедствий, насилий и преступлений, которые нес народу государственный строй

Турции. Вместе с тем он видел и разложение нравов высших слоев армянского общества, продажность печати, серебролюбие духовенства, прислужничество и раболепие «национальных столпов» Карапет-бея, Ерамяна и других, строивших мечети, чтобы угодить турецкому правительству. Паронян видел свое высокое призвание писателя в защите правого дела родного народа, в защите его независимости. Этой высокой миссии и служило его разящее перо сатирика.

В тех случаях, когда он выявлял недостатки близкого ему ремесленного сословия, не выходил из рамок добродушного юмора. Однако юмор тотчас сменялся гневом, когда сатирик писал о турецком деспотизме, о европейских колонизаторах, армянском духовенстве и

богачах-амирах. Юмор переходил в сарказм, в ту разновидность смеха, который, по словам Пароняна, убивает человека.

Будучи писателем-реалистом, Паронян не выдумывал тем для своих произведений. «Смешон смех, в котором недостает правды», — говорил он. В своих произведениях Паронян высмеивал уродливые явления жизни. Обильный материал давал сатирику тот общественный строй, в условиях которого он жил и творил. Сатира была подлинной стихией Пароняна. Однако жизнь Пароняна, зло смеявшегося над недостатками и возбуждавшего убийственный смех своих читателей, была далеко не веселой.

С 1870 года начинается плодотворная журналистическая деятельность Пароняна. Сначала он выступает в газете «Ефрат», затем в сатирической газете «Мегу» («Пчела») выдающегося демократа Арутюна Свачяна, соратника великого революционного демократа Микаэла Налбандяна. «Мегу», по определению Микаэла Налбандяна, являлась неподкупным голосом народа, правдивым выразителем его горестей и радостей.

Свачян видел в лице Пароняна самоотверженного человека, своего единомышленника, и именно поэтому пригласил его редактором своей газеты. «Найти человека, умеющего писать и одновременно умеющего оставаться голодным на харчах «Мегу», было очень трудно», — признавался сам Свачян. И, однако, такой человек нашелся, это был Паронян. «Мегу» Пароняна беспощадно жалила, не взирая на чины и должности, всех, кто попирали интересы народа, кто препятствовал проникновению в сознание народа передовых идей. «Подобно вылетающему из улья жужжащим пчелам, «Мегу» жалила богачей и вельмож, церковников и членов национального совета...». Сатира Пароняна не оставляла в покое и привычное ко лжи и фальши торговое сословие, «которое не воду примешивает к молоку, а немного молока к воде».

На Пароняна начались гонения. За двухлетний период своего существования газета «Мегу» закрывалась несколько раз, а в 1874 году турецкое правительство вообще запретило ее издание, решив навсегда отсечь ее «слишком длинный язык». В запрещении «Мегу» немалую роль сыграли армянские богачи и духовенство. «Это были те чудовища, — говорил Налбандян, — которые беспрерывно кричали в уши Высокой Порте: разбейте зеркало, ежедневно показывающее нам наши безобразные лица, разбейте его вдребезги».

После закрытия «Мегу» Паронян в том же 1874 году начинает издавать сатирическую газету «Татрон» («Театр»).

Как и Налбандян на страницах «Мегу», Паронян подымает в «Татроне» вопрос о роли театра в деле просвещения и прогресса армянского народа, о национальном театре и национальном репертуаре, о чистоте армянского языка, всемерно поощряя пьесы, правдиво отображающие жизнь. Что касается авторов, пишущих драмы на исторические темы, то Паронян требует, чтобы они не искажали реальных исторических фактов.

***

Накануне начавшегося в балканских странах национально-освободительного движения, а также во время русско-турецкой войны в газете «Татрон» появляются фельетоны и памфлеты Пароняна, представляющие замечательные образцы политической сатиры. Несмотря на строжайшие цензурные условия, он едко высмеивал в них как европейских дипломатов, так и разгромленную русской армией Турцию. Чтобы спасти ее, — писал Паронян, — к границам государства следует подвесить со всех сторон тыквы, «чтобы они поддерживали ее и не давали утонуть...». За подобные выступления газета «Татрон» несколько раз запрещалась,

а в 1877 году за острую критику новой турецкой конституции она была закрыта.

Примечательно, что угнетенное население армянских провинций обгащалось с требованиями о помощи не к армянскому национальному собору, который превратился в «омерзительный омут» беспочвенных споров, а к жившему интересами народа Акопу Пароняну, считая его истинным защитником беспощадно попираемых прав народа. В центре внимания талантливого журналиста и редактора стояли также задачи просвещения и воспитания подрастающего поколения. В своем двухнедельнике «Театр — друг детей», издававшемся в 1876—78 годах, он не раз в своих статьях поднимал вопрос о новой учебной программе, о необходимости создания новых учебников. Борясь за чистоту родного языка, Паронян призывает не засорять язык иностранными словами. Стыдно, если армянский юноша не знает, что «ода» по-армянски — сеняк, а «бахча» — партез.

К сожалению, сам Паронян был вынужден закрыть эту газету («Театр — друг детей») ввиду отсутствия материальных средств.

В этот именно период Паронян получает приглашение сотрудничать в армянской периодической печати, издающейся на Кавказе и в России, — в журналах «Парос Айастани» и «Порц». В них великий сатирик более смело изобличает всю гниль турецкого режима. Факт сооружения в Турции новых тюрем послужил сатирику для смелого обобщения в двух словах всей ее деспотической системы: «В Турции — тюрьма?.. Тюрьма в тюрьме?!», — восклицает он.

С не меньшим сарказмом высмеял Паронян и европейские державы, которые превратили «армянский вопрос» в предмет бесстыдного дипломатического ажиотажа.

Достоин внимания и статья «Протест муравьев», в которой подвергнут убийственному осмеянию Берлинский конгресс.

Сатира Пароняна направлена и на высосветских женщин. Он высмеивает кокетку, которая ценит свои серьги дороже матери-родины. «— Ты любишь свои серьги больше, чем Армению? — спрашивает жену муж. — Что за вопрос? Разве я могу подвесить Армению на уши? — отвечает жена. «По-моему, у таких женщин следовало бы отрезать уши», — заключает Паронян.

В 1883 году судьба улыбнулась Пароняну. Ему удается вновь издавать собственную сатирическую газету. Речь идет об известной газете «Цицах» («Смех»). На сей раз сатирик уже эзоповым языком продолжает разить, не взирая на лица, всех, кто достоин осмеяния. Это имело то преимущество, что отчасти ограждало Пароняна от непосредственных гонений. «Верблюд,

Однако подобно другим газетам Пароняна, и «Цицах», к сожалению, была недолговечна. По требованию уязвленных сатирой богачей была закрыта и она.

В 1884 году Паронян выпускает журнал «Хикар». Но он уже не был тем органом, где можно было бы свободно высмеивать внешнюю и внутреннюю политику Турции. Читатели, привыкшие к острой сатире Пароняна, не видя в «Хикаре» былой смелости, которая так поражала в «Мегу», начинают роптать на редактора. Отвечая им, Паронян говорит: «Требовать от меня, чтобы я говорил языком, которым говорил в «Мегу», «Татроне», «Луйсе» и в некоторых других национальных газетах, значит, требовать невозможного: ведь «Хикар» не имеет привилегий, рукописи «Хикар» сдаются в печать лишь после того, как пройдут через горнило цензуры». И все же, как и в предшествовавших «Хикару» изданиях, Паронян подверг в нем сатиру быт больших и малых «столпов», представителей духовенства.

«Хикар» знаменателен в творчестве Пароняна также и тем, что на его страницах печатались его знаменитые произведения «Багдасар ахпар», «Вред вежливости» и «Картина современности».

Паронян, подобно Налбандяну, считал театр «зеркалом Аполлона», в котором отражается облик и характер нации. Хотя сам Паронян не был уверен в своих силах в области драматургии, однако его пьесы имели блестящий успех.

Черпая материал из нравов константинопольских армян того времени, Паронян придал «Багдасар ахпару» высокое общественное звучание, благодаря большому таланту художественного обобщения, умению показывать разлагающее влияние денег в семейных и социальных отношениях. Впервые появившийся на страницах «Хикара» «Багдасар ахпар» и сейчас, через сто лет, не потерял своего звучания, пройдя долгий и славный путь из Константинополя до театральных подмостков Москвы.

Великий сатирик умер в крайней нужде в 1891 году.

***

«Значение и цена моих слов будут признаны через сто лет...», — говорил Паронян.

Его пророчество сбылось в наши дни. Именно теперь он получил полное и заслуженное признание. Не об этом ли говорит издание его произведений многотысячными тиражами, не об этом ли говорит и решение правительства Советской Армении о торжественном праздновании 120-летия со дня его рождения, которое состоится в мае нынешнего года.

О. ГАНАЛАНЯН,
профессор.